

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 4 (40). С. 179–184.

УДК 93+394.46

DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(4).179-184

А. В. Антощенко

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОСЛЕДНЕМ ПРАЗДНОВАНИИ ТАТЬЯНИНА ДНЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Публикуются воспоминания Веры Фальбёк о последнем праздновании Татьянина дня, праздника российского студенчества. В предисловии публикатор характеризует условия появления документа и даёт краткую биографическую справку об авторе. Документ хранится в Государственном архиве Российской Федерации среди анкет выпускников высших учебных заведений, эмигрировавших из Советской России. Его текст приведён в соответствии с современными правилами правописания и пунктуации.

Ключевые слова: Советская Россия; Татьянин день; Московский университет; Вера Фальбёк; мемуары.

25 января 1930 г. празднование Татьянина дня в русском зарубежье было особенно широким, так как связывалось с торжествами в честь 175-летия Московского университета [1]. Наряду с выпуском «Юбилейного сборника» воспоминаний, ностальгические мемуары об университете и, конечно же, о дореволюционном «праздновании Татьяны» появились во всех ведущих эмигрантских газетах [2]. Пражский комитет, созданный для организации празднования юбилея, объявил сбор анкетных данных о выпускниках высших учебных заведений, живущих за границей. Как отклик на это обращение в Прагу было направлено более 700 ответов на анкету. Несмотря на просьбу кратко излагать данные, некоторые респонденты прислали обширные повествования [3]. Среди них оказались и публикуемые ниже воспоминания, которые по своему содержанию и тону существенно отличаются от светло-весёлых мемуаров, появившихся в изданиях эмигрантов.

Об их авторе сохранились лишь незначительные сведения¹. Вера Фальбёк окончила Московские высшие женские медицинские курсы в 1914 г. В марте следующего года она выдержала государственные экзамены при Московском университете и стала штатным ординатором при госпитале св. Татьяны в Москве. Одновременно она работала ординатором хирургического отделения при Петропавловском госпитале и в Бутырской тюрьме, сначала при амбулатории, а в дальнейшем получила штатное место при больнице на 45 коек. С 1 ноября 1917 г. по 17 сентября 1918 г. она состояла ассистентом при кафедре оперативной хирургии Московских женских курсов, а с 1 июня по 20 сентября 1918 г. ещё и дежурным врачом и ассистентом при частной лечебнице Остроуховой. После тяжёлой простуды из-за недостатка питания в Москве вынуждена была переехать в Симбирск, где с июля 1919 г. по апрель 1920 г. была участковым железнодоро-

* Работа выполнена в ПетрГУ при поддержке гранта РНФ в рамках проекта «Празднование 175-летия Московского университета и академическое сообщество пореволюционной российской эмиграции», № 23-28-00836.

рожным врачом при станции Симбирск I. Там заболела возвратным тифом, должна была бросить работу и выехать на родину в Сибирь, в г. Красноярск, где с июня 1920 г. была назначена заведующей отделом «Материнства и приютов». Из-за тяжёлой формы экземы рук, возникшей как осложнение после тифа, она могла заниматься только административной деятельностью, но вскоре получила медицинскую должность в сыпнотифозном госпитале и туберкулёзной амбулатории и с июля 1920 г. по декабрь 1921 г. вновь работала ординатором хирургического отделения при военном госпитале. Судя по тексту, вспоминаемое событие можно датировать январем 1921 г., и, действительно, это последнее празднование Татьянина дня не только в Сибири, но и в России, так как упоминания ректора Московского университета М. М. Новикова о празднике в Москве относятся к январю 1919 г.²

«Дальнейшее пребывание в России для меня было невозможно, – завершала своё

письмо от 21 января 1930 г. из румынского Темишвара в Прагу Вера Фальбёрк, – и я сочла лучшим скрыться из её пределов. Пришлось выехать так, что, боясь задержки [ибо врачам ни в коем случае нельзя было покидать Россию], не получила в Москве свой диплом и в настоящее время не могу работать здесь по специальности. И моя деятельность в эмиграции сходит на ничто. Да и едва ли когда-нибудь смогу заниматься, ибо экзема не проходит, а лечить её здесь для меня дорого. Хотелось, по крайней мере, написать свои воспоминания о проведённых годах в России, но не знаю куда обратиться. <...>

Т. к. настоящее письмо, вернее отклик на юбилей 175^{ия} Московского университета или Татьянин день – невольно хочется написать свои воспоминания о последнем Татьянинном дне, отпразднованном в России. Неумелой рукой, которая никогда не писала, а имела дело с живым человеком – я пробую передать свои воспоминания, м[ожет] б[ыть] в этот день они будут уместны».

Последний Татьянин день, отпразднованный мной в пределах России

Не буду упоминать имена собравшихся в этот великий день, не буду критиковать их, а только опишу в кратких словах, как было. 1921 г., я тогда работала врачом в одном из городов Сибири, который в своё время пережил много, через него отступал Колчак со своей армией и, конечно, многие остались там; оторванные от родных, от обычной мирной работы, они владели тяжёлым существованием; будь то врачи, офицеры или просто граждане прежней, старой, так хорошо нам известной и горячо любимой Родины. И в это-то тяжёлое время нам пришла мысль отпраздновать Татьянин день, тот день, к которому в прежнее время готовилась Москва. Отпраздновать этот день, как в прежнее время мы и думать не могли. Во-1^х, было запрещено, во-2^х, места подходящего не было, и, в-3^х, с чем праздновать? С тем скудным пайком, который мы ежемесячно получали. 1^й пункт о запрещении, конечно, решили просто: «Авось, сойдёт!». 2^й пункт – место – где? А не всё ли равно где, лишь бы собраться. Самый важный был пункт 3^й – найти что-нибудь съедобное и, конечно, «для выпивки». Нужно сказать, что инициатива этого праздника исходила от меня и другой женщины-врача, которую судьба из Москвы выбросила в Сибирь. Начали мы с ней собирать компанию, ища, конечно, тех, кто кончил Московский университет. Таких нашлось 6 человек; из коих 3 женщины-врача, 3 мужчины-врача и один, окончивший естественный факультет тоже при Московском университете. К нам присоединился врач, окончивший Одесский университет, и ещё несколько человек, которые пожелали принять участие в нашей маленькой кутёжке. Местом избрали одну из лабораторий по естественным исследованиям, и где как раз заведующим был вышеуказанный естествоиспытатель. Это была маленькая лаборатория, состоявшая из 2^х небольших комнат и с одной небольшой кладовкой. Мы решили все его научные работы поместить в одной комнате, а другую, побольше, приспособить для пирушки. Собрались все для решения дальнейшего и где что достать? Все в один голос порешили, что в этот день нужно «напиться», но чем? Это был очень серьёзный вопрос, ибо вина никакого нигде не было, а спирт можно было получить только за очень большие деньги. Даже в госпиталях, где мы работали, он выдавался в таких минимальных количествах, что и думать нельзя было оттуда взять, тем более, что публика настаивала на довольно

большом количестве. В конце концов, добыть спирт было возложено на мужчин, а снабдить компанию закуской, хлебом и прочим – на женщин. То и другое было очень трудно, т. к. всё-таки собиралась компания до 14 человек. Это, может быть, тем, кто покинул Россию до большевизма или в начале его, кто ещё знал Россию, изобилующую всякими закусками и винами, покажется странным, но это так. Насущный кусок хлеба в то время доставался тяжело, и все, начиная от рабочих и кончая профессором, искали вылазку каждый день, где же достать хлеб, не говоря уже о другом. Паёк был ничтожный, едва-едва хватало на несколько дней, всё приходилось покупать в обмен, но что было менять тем, кто в этом городе были пришельцы, у которых ничего не было? Скажите? Что могли мы уделить из пайка на «пирушку»? Было трудно, но всё-таки каждый решил возложенную на него задачу несмотря ни на что, принёс, что возможно, и этот вечер мы провели вместе. В небольшой комнате лаборатории столы поставили в виде буквы П, около стены – стулья. Столы покрыли простынями, взятыми на время из госпиталя, и всё принесённое сейчас же ставилось на стол. Никогда не забуду, с каким радостным лицом встречал каждого из нас заведующий лабораторией! С каким благоговением и с какой осторожностью он принимал от каждого всё то, что тот приносил! Половина компании в сборе, сидим, покуриваем, разговор о самых ничего не значащих вещах, а главное, что сегодня Татьянин день. Все только вспоминают, каждый живёт прошлым, а о настоящем – ни слова, как будто его и нет. Стук в дверь. Заведующий лабораторией, он же распорядитель, спешит открыть дверь: «Ну, кого-то Бог принёс!» Открыл дверь, входит женщина-врач, с радостным лицом, покрасневшим от 30° мороза, шуба в снегу. Ставит два пакета на стол: «Добро пожаловать, товарищ!» Добро пожаловать. Кто-то раскрывает один из свертков: «Товарищи, смотрите, целая курица, откуда это вы достали?» В это же время несколько человек открыли другой пакет: «Товарищи, товарищи, смотрите сюда – целая коврига белого хлеба и печенье к чаю!» Кто-то подробно рассматривает хлеб, как будто никогда не видел: «Да это действительно белая мука, не мешаная, смотрите, какой пышный!» «То-то будет праздник на славу!», – слышатся голоса... Странно всё это звучит, но это было так. Наконец все собрались.

Мы собрались встречать Татьянин день голодные, холодные, обездоленные; многие из нас, потерявшие своих родных и близких, у каждого из нас были личные потрясения – и всё-таки мы не забыли, что сегодня – 12 января – и на лицах у всех было написано что-то праздничное. Но комната не была освещена ослепительной люстрой, нам не подавали лакеи, и не было у нас шикарных туалетов – нет, всё было так убого и бедно, но всё-таки это был праздник.

«Товарищи, пожалуйста к столу, – кричит распорядитель, – у нас имеется 2 четверти водки и 3 бутылки «советского ликеру» (водка подкрашенная, с сахаром) для дам. Это всё должно быть сегодня выпито, не зря доставали». «Поддерживаем», – раздаются голоса, и началась пирушка! Когда я вспоминаю эту убогую комнату, убогое убранство стола, убогие наши костюмы, я думаю: «Неужели это было?» И приходится сказать: «Да, это было и это было празднование Татьянина дня». Все, казалось, были весёлыми, непринуждёнными, но чувствовалось, что каждый затаил в себе что-то, что каждый боится другого, чтобы не промолвиться лишним словом, каждый из нас думает, что среди нас есть кто-то, кто донесёт туда, куда, если кто попал, то навсегда попрощается с жизнью, а несмотря на тяжёлую жизнь, подчас ужасную, каждому хотелось жить. Я не знаю, действительно ли так каждый думал, но мне лично кажется, что именно так. «Пить, так пить! Наливайте! – раздаются голоса. – Празднуем сегодня Татьяну, забудем обо всём». «Пить, товарищи, пить» и пили... Разговоры вертелись около самых невинных вопросов, шутки, смех. Я вообще много не пила и после 2^х рюмок решила воздержаться, может быть, видела, что компания этим довольно усердно занимается, а всё-таки нужно было кому-нибудь остаться на стороже, т. к. можно было ждать всяких неожиданностей. Компания уже разошлась, слышалось пение, звучала одиноко балалайка...

Пили, много пили. За стол сели в 9 часов, и в 11 ½ нужно было сделать перерыв, ибо алкоголь начал давать себя чувствовать, а водки оставалось много... Стук в дверь. Распорядитель направился к двери. Возвратился с бледным лицом, но совершенно протрезвевший: «Товарищи, солдат из караула, что делать?» «Спросите, сколько ему нужно за молчание?», – сказал кто-то. Распорядитель снова вышел. Мы остались в комнате в глубоком молчании, в ожидании чего-то ужасного... Все молчат. Взрослые люди, прожившие полжизни, люди мыслящие, врачи, не теряющиеся перед серьёзной операцией, в этот момент как-то сжались, съёжились. Все глу-

боко задумались, но никто не обронил ни одного слова. 2 керосиновые лампы грустно освещали эту грустную картину, подёрнутую папиросным дымом... Распорядитель возвратился: «Дело улажено, товарищи. 10 000 рублей и не только нас не будут беспокоить, но у ворот всю ночь будет стоять сторож и никого сюда не пропускать!» «Ура!», – потрясается воздух, и опять смех, шутки: «Пьём за Татьяну, товарищи, кто знает, может быть, последний раз?» «Пьём, товарищи, ура!» И опять пили.

Все уже были настолько выпившими, что никто не замечал, пьёт ли другой, и это помогало мне наблюдать наше празднование. Пили все, мужчины, женщины, пили до самозабвения, а некоторые и до потери сознания. У каждого только одно было на уме, забыть на время настоящую кошмарную жизнь и унести мыслями в прошлое, красивое прошлое, ибо настоящее пошло, грязно. Я не знаю, я не была под влиянием алкоголя, но, может быть, на кого этот чудесный напиток подействовал, видели себя в великолепной зале с большими светящимися люстрами, представляли себе, что сидят за большим, парадным столом, обильным превосходными винами и закусками, а единственную балалайку, которая грустно наигрывала какой-то вальс, – за большой салонный оркестр... Не знаю! Может быть! Рядом со мной сидел один из врачей, который тоже, как я видела, усердно наливал одну рюмку за другой. Посмотрела на него. Сидит человек, пьёт, глаза стеклянные, ничего не выражающие, так, пустые какие-то. «Коллега, не пойдёте ли в соседнюю комнату немного поспать?», – спросила я его. В ответ твёрдое и отчётливое: «Можно!» Тяжело было смотреть на него, он уже забыл «настоящее».

Взяла его под руку и с большим трудом отвела в соседнюю комнату, уложила на один из столов, закрыла собственной его шубой, посмотрела. Он уже спал глубоким сном, тихо, спокойно, может быть, во сне он видел, как в прежнее старое доброе время он празднует Татьянин день. Да простит ему Бог! Вернувшись в компанию, увидела одну из сестер милосердия тоже уже под влиянием чудодейственного напитка, который уносил её в какие-то никому не известные страны. Направилась к ней, ибо видела, что и её нужно уложить. «Сестра, пойдёте!» Ни слова противоречия, смеясь, пошла со мной в кладовку, где, уложив её на 2 бывшие свертка канатов, укрыв шубой, опять вернулась к компании. Компания была уже в разгаре, шум, песни, шутки, флирт. Выпито было 2 четверти водки и 3 бутылки советского ликёру! И что же? Развязался ли у кого-нибудь язык? Кто-нибудь сказал что-нибудь непозволительное? Нет! Даже в таком виде знали, что «говорить много нельзя», даже в таком виде как будто боялись промолвиться! Ни у кого ни одной жалобы на тяжёлую жизнь, ни слова, что тяжело работать при настоящих условиях, ни слова о том, что нас давило, что нам не давало дышать.

Люди, не пережившие большевистского гнёта, пожалуй, это и не поймут, и не знакомо оно им. Да и, слава Богу! Мы только одно знали и чувствовали: мы празднуем день св. Татьяны, мы объединились на несколько часов, чтобы лишь фантазией пережить далёкое прошлое, и на эти несколько часов тем или иным способом отогнать от себя гнетущее настоящее, а этот способ был алкоголь. Люди на время забыли всё, и в этот великий день на крыльях фантазии унеслись в прошлое, красивое прошлое, в старую Россию, где так красиво праздновали этот Великий день св. Татьяны... В 4 часа утра разошлись, каждый по своим убогим квартирам. На другой день я с несколькими встретила. Ни одного слова о прошедшей ночи, ни одного слова о праздновании Татьянина дня, как будто этого и не было. Этот день как бы умер для нас, и мы опять пошли в жизнь и потянули её тяжёлую лямку. Но у каждого из нас в душе, я думаю, была надежда, что будет день, когда мы этот день отпразднуем в другой обстановке и при других условиях. Мы поняли друг друга без слов. Дай Бог, чтобы наши надежды сбылись, и мы, эмигранты, волею судьбы оторванные от Родины, в недалёком будущем этот день отпраздновали так, как ему подлежит быть отпразднованным.

Falböck

И пусть читающие эти строки не судят строго, а примут их как простое письмо, в котором я хотела поделиться своими воспоминаниями о Татьянинном дне.

ГАРФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 630–635

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 628–629 об.

² Новиков М. М. Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет 1755–1930 : юбилейный сб. – Париж : Современ. зап., 1930. – С. 184–186.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антощенко А. В. Празднование 175-летия Московского университета в русском зарубежье // Культура исторической памяти : материалы науч. конф. (19–22 сентября 2001 г.). – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2002. – С. 73–86.
2. Щеблыгина И. В. Воспоминания об Alma mater : выпускники Московского университета в эмиграции // Вестник Московского университета. Серия 8 : История. – 2010. – № 4. – С. 17–34.
3. Вьюницкая Е. В., Пивовар Е. И. Анкета Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета в его фонде в ГАРФ // Отечественные архивы. – 2018. – № 5. – С. 37–44.

Сведения об авторе

Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 185910, Россия, Петрозаводск, ул. Ленина, 33

E-mail: ant@petrsu.ru

SPIN-код РИНЦ: 8184-4374

ORCID: 0000-0002-2366-3750

WoS ResearcherID: AAG-5905-2019

Информация о статье

Дата поступления
1 августа 2023 г.

Дата принятия в печать
10 октября 2023 г.

Для цитирования

Антощенко А. В. Воспоминание о последнем праздновании Татьянина дня в Советской России // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 4 (40). С. 179–184. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).179-184.

A.V. Antoshchenko

REMINISCENCE ABOUT THE LAST CELEBRATION OF THE ST. TATYANA'S DAY IN SOVIET RUSSIA

The recollection of Vera Falböck about the last celebration of Tatyana's Day, the holiday of Russian students, are published. In the preface, the publisher characterizes the conditions for the appearance of the document and gives a brief biographical note about the author. The document is stored in the State Archives of the Russian Federation among the profiles of graduates of higher educational institutions who emigrated from Soviet Russia. The text is brought into line with modern rules of spelling and punctuation.

Keywords: Soviet Russia; St. Tatyana's Day; Moscow University; Vera Falböck; memoirs.

REFERENCES

1. Antoshchenko A. V. Prazdnovanie 175-letiya Moskovskogo universiteta v russkom zapubezh'e [Celebration of the 175th anniversary of Moscow University in the Russian diaspora]. *Kul'tura istoricheskoi pamyati* [The culture of the historical memory], proceedings of the conference (September 19–22, 2001), Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2002, pp. 73–86. (in Russian).
2. Shcheblygina I.V. Vospominaniya ob Alma mater: vypuskniki Moskovskogo universiteta v emigratsii [Memoirs about Alma mater: graduates of Moscow University in exile]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8: History], 2010, no. 4, pp. 17–34. (in Russian).
3. V'yunitskaya E.V., Pivovarov E.I. Anketa Prazhskogo komiteta po oznamenovaniyu 175-letiya Moskovskogo universiteta v ego fonde v GARF [Questionnaire of the Prague committee for the commemoration of the 175th anniversary of Moscow University in its fund in the State Archives of Russian Federation]. *Otechestvennye arkhivy* [National archives], 2018, no. 5, pp. 37–44. (in Russian).

About the author

Aleksandr V. Antoshchenko – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department of the Institute of History, Political and Social Sciences of the Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

Postal address: 33, Lenina ul., Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: ant@petsu.ru

RSCI SPIN-code: 8184-4374

ORCID: 0000-0002-2366-3750

WoS ResearcherID: AAG-5905-2019

Article info

Received
August 1, 2023

Accepted
October 10, 2023

For citations

Antoshchenko A.V. Reminiscence about the Last Celebration of the St. Tatyana's Day in Soviet Russia. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2023, vol. 10, no. 4 (40), pp. 179-184. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(4).179-184 (in Russian).